

Прилавки петербургских магазинов наводнены продуктами из южных регионов страны. Соки фирмы «Тонус» и упаковки вкуснейших яблок произведены в Лебедяни – бывшем уездном городе Тамбовской губернии (ныне Липецкой обл.), родине одного из своеобразных и глубоких писателей первой половины XX века – Евгения Ивановича Замятина, 80 лет со дня смерти которого исполнилось 10 марта 2017 года.

Некоторые справочные издания решили «облагородить» родословную писателя, а библиографический словарь из серии «Библиотека учителя русского языка и литературы» (!) трогательно пояснил: «Родился в небогатой дворянской семье»². Между тем, согласно метрическому свидетельству из Тамбовской Духовной Консистории, выданному отцу писателя 23.07.1898 (по ст.ст.), значится, что «в хранящейся в архиве оной Консистории метрической книге Покровской гор. Лебедяни церкви за тысяча восемьсот восемьдесят четвертый (1884) год под № 3-м значится статья таковая: “—приходской церкви священник Иоанн Димитриевич Замятин и законная жена его Мария Александрова. Оба православные, у них родился сын Евгений двадцатого, а крещён двадцать первого января протоиереем Василием Черневским с причтом. Восприемниками были: Лебедянский Воинский Начальник Полковник Михаил Петров Александров и г. Лебедяни Николаев-

² Русские писатели. Библиографический словарь в 2-х частях под ред. П.А. Николаева. Часть 1-я. М., «Просвещение». 1990. С. 317 (вся статья о Замятине – сс. 317–320). Возможно, авторы перепутали отца родного и крёстного, который, судя по чину, действительно был дворянином (см. ниже) – но только в том случае, если были знакомы с документами, что маловероятно.

ской церкви жена священника Лидия Павлова Смирнова»³. Так что по происхождению Евгений Иванович, как любимый лицейский профессор А.С. Пушкина А.П. Куницын⁴, Н.Г. Чернышевский, Н.А. Добролюбов, М.А. Булгаков и другие, относился к так называемой «жеребьячьей породе»⁵ – детям церковнослужителей. Отец Замятина, как и отец М.А. Булгакова, был преподавателем, хотя первый преподавал в Лебедянской прогимназии, а второй – в Киевской духовной академии.

Принадлежность родителей к духовному сословию не мешала им быть иногда весьма начитанными людьми и стремиться дать детям превосходное образование.

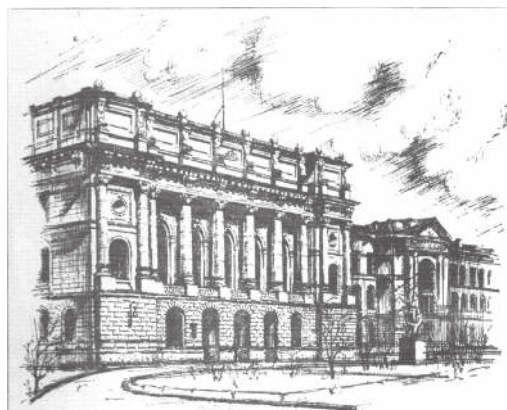
Люди небольшого достатка⁶ часто получали среднее образование в несколько этапов. Женя Замятин окончил сначала Лебедянскую прогимназию, а затем – Воронежскую гимназию, «серую, как гимназическое сукно», как писал он в «Автобиографии». «Изредка в сером – чудесный красный флаг. Красный флаг вывешивался на пожарной каланче и символизировал тогда отнюдь не социальную революцию, а мороз в 20 градусов. Впрочем, это и была однодневная революция в скучной, разграфлённой гимназической жизни» (Автобиография). Эту нелюбовь к механической, «разграфленной» жизни писатель пронёс через всю жизнь, не предавая «чудесного красного флага». Особенно ярко выражена она в романе «Мы» и его предтече – повести «Островитяне».

³ ЦГИА СПб, ф. 478, оп.1, д.765 студента Корабл. Отделения Евг. Ив. Замятина. Началось 1 окт.1902, окончено 26 мая 1908. Ок. курс 21 мая 1908. Л. 13. В студенческом личном деле – заверенная лебедянским нотариусом М.М. Ивановым копия. Комментарий: 1. все даты в документе даны по старому (тогда единственному) стилю; 2. Имя отца новорождённого записано, как полагалось, в церковной (Иоанн Димитриевич), а не привычной нам народной форме; 3. восприемники – крёстные отец и мать.

⁴ Проф. А.П. Куницын, родившийся в становом (до волостей губернии разбивались на станы) селе Кой Тверской губ. Кашинского уезда, был сыном не священника, а дьячка.

⁵ В отличие от современных модно подстриженных клириков раньше священники не имели права стричь бороду и волосы и завязывали последние у шеи, как конский хвост, – этим объяснялось и даваемое их детям прозвище «жеребьячьей породы».

⁶ Исключая крестьян, которым среднее образование было недоступно. Речь не идет о ВЫХОДЦАХ из крестьян, которым это иногда удавалось.

Петербургский политехнический институт им. Петра Великого. Главное здание, вид из парка. Арх. Э.Ф. Виррих.

решено награждение золотой медалью, именно благодаря «отличным успехам в науках, в особенности же в *русском и древних языках и математике*»⁸ (курсив мой – М. Н.).

Да и «выбрал» он Петербургский политехнический институт им. Петра Великого – «белое чудо в Лесном», как назвал его А.А. Блок⁹, далеко неслучайно.

«Чудом» новый институт был не только в архитектурном отношении: он находился в ведении не министерства народного просвещения, а самого богатого министерства финансов во главе с С.Ю. Витте, учебные программы и установления его были разработаны самыми передовыми учёными страны с учётом как собственных традиций, так и новейшего западноевропейского (Шарлоттенбург под Берлином) и американского (Массачусетс) опыта; и он впервые распахнул свои двери в 1902 г. Отметим, что,

⁷ Цит. По «Википедия2- ?

⁸ ЦГИА СПб, ф. 478, оп. 1, л.б. (Аттестат зрелости № 684)

⁹ Архитектор Эрнест Францевич Виррих; среди известнейших его построек – универмаг ДЛТ, дом Бассейного общества на углу ул. Некрасова, бывшей Бассейной, и Греческого пр., одно из крыльев Белого Дома в Вашингтоне. Это было не одно здание, а целый учебно-научный городок в парке, включавший студенческие общежития, проживание в которых было обязательным (поэтому и жениться можно было с разрешения не только родителей, но и министра финансов), и собственные газовый завод, водонапорную башню и др. службы и лаборатории. Впечатление ансамбля от воздушных белых Главного здания и Химического корпуса поддерживалось архитектурно близким к ним зданием гостиницы через дорогу, снесённым в 70-е гг. XXв .

Писатель вспомнил, что в гимназии «получал пятёрки с плюсами за сочинения и не всегда легко ладил с математикой. Должно быть, именно поэтому (из упрямства) я выбрал самое что ни на есть математическое: кораблестроительный факультет Петербургского Политехникума»⁷. (Лит. учеба). Но он лукавил: в его Аттестате зрелости особо огово-

в отличие от других вузов, громадная роль в обучении отводилась лабораторным и практическим работам, а летней практикой студентов обеспечивал институт, находя подходящие вакансии. «Летом – практика на заводах, Россия, прибаутливые, весёлые третьеклассные вагоны, Севастополь, Нижний, Камские заводы, Одесса, порт, босяки». Лето 1905 – практика на судне «Россия», которое ходило от Одессы до Александрии (Константинополь, Смирна, Бейрут, Яффа, Афон, Порт-Саид, Африка, «изумительный Иерусалим»). Молодому человеку пришлось быть свидетелем восстания на броненосце «Потёмкин» – впечатления эти отражены в рассказе «Три дня» (1913).

Канцелярией института в С.-Петербурге 22 июня 1902 г. под № 2167 засвидетельствовано «Прощение» «Его Сиятельству¹⁰ г. директору С.-Петербургского Политехнического Института окончившего курс в Воронежской Губернской Гимназии Евгения Замятина»: «...имею честь покорнейше просить Ваше Сиятельство зачислить меня в число студентов 1-го курса Кораблестроительного Отделения вверенного Вам Политехнического Института. Г. Лебедянь (Тамбовской губ.), июня 18 дня 1902 г. Евгений Замятин. Жительство имею в г. Лебедяни, в доме свящ. И. Замятина»¹¹.

Выпускники гимназий и реальных училищ¹² принимались исключительно по конкурсу аттестатов¹³, и на всех трёх технических отделениях оказались только золотые медалисты¹⁴. Судьбу равных претендентов решал жребий: происхождение, заслуги родителей, чьё-либо покровительство, жалобы на директора министру финансов во внимание не принимались. Протекционизм изгонялся из быта нового института.

Евгений подал документы и был принят на выбранное отделение (первым и единственным его деканом в рамках Политехнического института стал бывший гл. инженер Николаевских

¹⁰ «Ваше Сиятельство» – обращение к князю или графу. Первым директором СПбПИ был кн. А.Г. Гагарин.

¹¹ ЦГИА СПб, ф. 478, оп.1, д. 765, л. 4.

¹² В последующие годы – коммерческих училищ, кадетских корпусов, позже – даже духовных семинарий.

¹³ Совет пришел к такому решению, чтобы не лишать талантливую молодежь возможности получить образование и быть полезной стране в качестве широко образованных специалистов: одни средние учебные заведения давали превосходную подготовку, другие – просто плохую, но деться ребятам было некуда: в губернии могла быть только одна гимназия...

¹⁴ На металлургическое и электромеханическое отделения принимали по 60 чел. Лишь на самое большое, экономическое отд. мог попасть человек с четвёркой.

судостроительных заводов К.П. Боклевский), впервые в стране начавшее подготовку *гражданских* морских инженеров (норма приёма 25 чел. в год). В гимназической характеристике значилось: «К дальнейшему образованию Замятин Евгений обнаруживает способности прекрасные; может с выдающимся успехом продолжать своё образование»¹⁵. 21 мая 1908 г. Совет института присвоил Е.И. звание морского инженера с правом на чин X класса, 22 мая было оформлено временное свидетельство об окончании института. «Диплом за № 7 получил 20 ноября 1908 г. Е. Замятин».¹⁶ Е.И. был оставлен на кафедре для преподавания и научной работы и до 1929 г. (с перерывом, когда по состоянию здоровья работал в Николаеве и был в командировке в Англии) включительно, преподавал корабельную архитектуру в родном институте¹⁷.

Несколько слов о характере будущего писателя. Из гимназической характеристики следовало, что «...в характере и образе жизни ученика Замятина Евгения проявлялись благовоспитанность, сердечность, относился ко всем своим обязанностям с образцовой исправностью и аккуратностью. Проживал в пансионе гимназии. В нравственном отношении Замятин Евгений совершенно безупречен...» (курсив мой – М.Н.)¹⁸. И подписано это 3.07.1902 г. инспектором гимназии М. Высоцким¹⁹ – «кобылой», по гимназической «табели о рангах»; вероятно, именно он показывал Евгению брошюрку одного из прежних выпускников: «...Вот тоже кончил у нас с медалью, а что пишет! Вот и в тюрьму попал. Мой совет: не пишите, не идите по этому пути». Но «наставление не по-

¹⁵ ЦГИА СПб, ф. 478, оп. 1. д. 765, л. 7об. Характеристика Замятина Евгения, окончившего курс в Воронежской гимназии в 1902 г.

¹⁶ ЦГИА. Ф. 478. Оп. 12, д. 80-а, Журнал для записи дипломов, выд. СПбПИ в 1908г., л.л. 1об.-2

¹⁷ Окончание работы в нём имело и естественные причины: в 1930г. Ленинградский политехнический ин-т им. М.И. Калинина, как и остальные ВУЗы страны, был расформирован (каждый факультет стал институтом). От него отделились Финансово-экономический, Военно-механический, Кораблестроительный, Ин-т авиационного приборостроения (бывший подотдел Кораблестроительного ф-та) и др. ВУЗы. В Индустриальный институт в 1934 г. попала часть прежних факультетов. Отметим, что Д 503,строитель летательного аппарата «Интеграла» из романа «Мы», делал это профессионально: в большой аэродинамической трубе института испытывались узлы «Ильи Муромца» И.И. Сикорского и «Святогора» В.А. Слесарева.

¹⁸ ЦГИА СПб. Характеристика..Л. Ф. 478, оп.1. д. 765, л. 7 об.

¹⁹ ЦГИА СПб. Там же, л. 8 об. Подпись одна – трудно сказать, он же «исполняющий дела директора гимназии» или нет.

Б.М. Кустодиев. Большевик. 1920.
Видна часть Введенской церкви на углу
Введенской и Б. Пушкарской улиц.

могло»: «Специальность моя, о которой все знали – “сочинения” по русскому языку». (Автобиография). В 1908 г. появилась в печати первая работа молодого писателя; в 1913 – знаковая повесть «Уездное», ужасавшая изображением жизни расчеловеченной, деклассированной провинции и добровольным скотством героев.

Замятин был человеком, готовым по первому зову придти на помощь товарищам, за что пользовался их глубочайшим уважением. Доброта его ярко проявится в отношении к Б.М. Кустодиеву, который делал эскизы костюмов и декорации к постановке замятинской «Блохи» по мотивам Лескова (писатель считал, что «изменил» литературе для театра). Больной художник мог передвигаться только в инвалидном кресле и был фактически заперт в своей квартире на Введенской²⁰. Евгений Иванович добился возможности его выезда из города, что было трудно; в родной своей Лебедяни снял дом с садом, в котором спелые яблоки висели так низко, что художник мог держать их в руках ... Результат общения с Кустодиевым – кн. «Русь», которую вызвали к жизни работы Бориса Михайловича...

Замятин никогда не чурался общественной работы. Отметим, что с первого же года пребывания в Петербурге этот студент стал членом РСДРП: удалённость от города и обязательность про-

²⁰ В советское время ул. Олега Кошевого. Введенская церковь изображена на картине Б.М. Кустодиева «Большевик».

жизвания в общежитии не спасала от веяний эпохи. Мне приходилось встречаться с детьми некоторых выпускников – Т.А. Лидина привела отзыв своего отца, морского инженера А.Ф. Потапова, и вице-адмирала П.Ф. Папковича (оба – приёма 1903 г.), с которым Е.И. довелось и работать на Кораблестроительном отделении (факультете)²¹, считавших, что единственным «настоящим революционером» среди студентов был Женя Замятин. А они знали, что среди студентов Политехнического было много революционных деятелей.²² «И чем ближе к девятьсот пятому – кипенье всё лихорадочней, сходки всё шумнее»²³. Замятин довольно много пишет о своей революционной работе в «Автобиографии». В институте оценившие его «общественность», ум, справедливость и сердечность товарищи избрали его председателем Совета старост, который был, по словам писателя, «парламентом» вузовского «государства».

18 02.1907 г. около 6 утра был произведён грандиозный обыск в студенческих общежитиях, во время которого были найдены пироксилиновые шашки и оболочка для бомбы, старые ружья, винтовки и пр. Заступничество первого директора А.Г. Гагарина²⁴, не

²¹ См., напр., Протоколы заседаний собрания Корабл.ф-та 2.02.1920 – 15.12.1920. ЦГА СПб., ф.3121, оп.18. д.1, лл. 6 – 7 – протокол заседания от 28.07.1920, на котором присутствовали и Е.И. Замятин, и П.Ф. Папкович; на л.22 среди прочих – подпись Замятина.

²² Стоит вспомнить М.В. Фрунзе (экономическое отд.), зам. наркома по морским делам Ф.Ф. Ильина (Раскольников), первого председателя Ташкентского совета, расстрелянного во время левоэсэрского мятежа В.Д. Вотинцева (электромеханик), погибшего в гражданскую войну металлурга Н.Г. Толмачева, чьё имя носила в советское время Караванная ул. посёлок в Лужском р-не, А.Х. Артузова, деятеля государства В.М. Молотов и др.

²³ По постановлению Совета института с 10 января занятия были отменены.

²⁴ Первый директор института, превосходный организатор, выпускник Михайловской артиллерийской академии, специалист в области сопротивления материалов, создатель знаменитого крешерного пресса, которым пользовались многие десятилетия, адъюнкту ин-та (ЦГИА СПб., ф. 478, оп.12, д. 60, л. 73), сын вице-президента Академии художеств и первого иллюстратора А.С. Пушкина Г.Г. Гагарина, в значительной степени определивший нравственный облик института и его питомцев. П.А. Столыпин, которому мы обязаны «стольпинскими галстуками» при отсутствии в стране смертной казни, по словам С.Ю. Витте, называл его «идиотом». В 1905 г. Андрей Григорьевич стал не только назначенным сверху, но и первым выбранным студентами директором, которого они величали «наш князь». На своей даче в Холомках Псковской губ. открыл государственный техникум. Умер в 1920 г., на могильный памятник средства собрали местные крестьяне (к сожалению, утрачен).

только назначенного, но и избранного студентами «нашего князя», пытавшегося дозвониться министру, предание его суду и увольнение без права поступления на государственную службу в течение трех лет имело большой общественный резонанс. Студенты поднесли бывшему директору адрес с множеством подписей и выражением сочувствия и благодарности. Журнал «Нива» поместил фото Андрея Григорьевича в окружении Совета старост с подписью: «Группа старост во главе с уволенным и преданным суду кн. Гагариным», — среди которых присутствовал и Е.И. Замятин. Этому студенту III курса пришлось провести несколько месяцев в одиночке на Шпалерной и, освободившись, отбыть на родину, откуда он запросил «отпускной билет»:

«В виду того, что отпускной билет, выданный мне в Канцелярии Института в декабре мес. 1905 г., был захвачен при обыске, произведенном на моей квартире в СПб. 11/III 05 г., и затем затерян в канцеляриях Жандармск. Упр. или Охранн. Отд. — я просил бы Канцелярию выдать мне новый билет, так как в противном случае я оказываюсь без всякого вида на жительство.

29 марта 06 г.

Студ. Е. Замятин».

Судя по резолюции на прошении, билет по сентябрь был выслан в Лебединь 5 апреля.²⁵

Полиция несколько лет разыскивала Замятина в то время, как он продолжал учиться и работать в родном институте. Командированный, согласно январским «Протоколам заседаний Комраблестроительного отделения Петроградского ПИ 1916г», в Англию²⁶, преподаватель Е.И. Замятин выехал туда в марте 1916 г. («Автобиография»). Он не только «строил ледоколы» для России в Глазго, Ньюкастле, Сендэрленде, Саус-Шилдсе и участвовал в закупке вооружений для российской армии, но и писал. Услышав о революции на родине, он уже в сентябре 1917 вернулся домой: «Думаю, что если бы в 1917 г. не вернулся из Англии, если бы все эти годы не прожил вместе с Россией — больше не мог бы писать». Зимой 1917–18 гг. «...от техники осталось только преподавание в Политехническом институте». («Автобиография»).

Он был привлечён М. Горьким к работе в редакции «Всемирной литературы»; работал в Правлении Всероссийского союза писателей, в Комитете Дома литераторов, в Совете Дома искусств, в

²⁵ ЦГИА СПб, ф. 478, оп. 1, д. 765, Прощение о выдаче нового билета для получения вида на жительство.

²⁶ ЦГИА СПб, ф. 478, оп. 27, д. 8, л. 1об., 2.

Секции исторических картин, Доме учёных и Доме искусств, читал курс новейшей литературы в Педагогическом институте им. А.И. Герцена, курс техники художественной прозы в Студии Дома искусств, редактировал журналы «Русский современник», «Дом искусств», «Современный Запад», сотрудничал в некоторых издательствах и журналах... Громадным авторитетом пользовался он среди писателей объединения «Серапионовы братья», с их диапазоном от революционности до утверждения: «Мы не с красными, мы не с белыми – мы с пустынным Серапионом». Не секрет, что уже после 1905 г. – 1907 г., не говоря о 17-м, многие «революционеры» стали пересматривать свои позиции. Вспомним двух литературных героев – Говоруху-Отрока из «Сорок первого» Б. Лавренёва, ждавшего революцию, «как невесту», и героя булгаковской пьесы «Адам и Ева». Оба устали от катаклизмов, хотели только покоя для себя (но чтобы добыли его другие), предлагая своим избранницам вместе с ними отгородиться от мира («удалиться под сень струй», словами незабвенного И.А. Хлестакова) и, как говорит возмущенная Марютка, «конфеты жрать», пока другие занимаются устройством жизни.

Это были люди, только мнившие себя знатоками собственной страны и народа – потому, как ядовито заметил в своё время М.Ю. Лермонтов, что «бывали несколько раз в Царском Селе и даже в Парголове» (Лермонтов. Княгиня Лиговская. Гл. 9). Замятин исколесил многие регионы России, как родной однодворческий Юг, так и среднюю полосу, и Север, как губка впитывая впечатления. Много писал, причём он старался «влезть в шкуру» не только «образованных» слоёв, но и народа – крестьянства, до 1950г. составлявшего 80% населения России. И никогда не оставался в стороне, не предавал «чудесного красного флага», хотя взгляды его претерпели изменения.

Остановлюсь только на четырёх когда-то в юности поразивших меня произведениях. «ЧРЕВО» (1913). Послушную девку выдали за вдовца (что означало отсутствие красивейшего свадебного народного обряда) с малым ребёнком, человека неплохого, но немилого; отрадой могли стать её собственные дети, на которых она перенесла бы всю любовь и заботу; но ребенка от мужа всё не было, и так же немил Афимье стал его сын от первого брака. А мил был сосед Иванюша Селифонтов, от которого и понесла... Заставший влюблённых Пётра избивал беременную жену, опозорившую его дом, та терпела и срывала зло на пасынке. Продав хлеб, хозяин купил гостинцев, встрепенулся – кому?! –

и, напившись, сапогом в живот!.. Соседка выходила Афимью. Вид вернувшегося из царёва кабака Пётры всколыхнул в бабе всё – зарубила мужика, оставшись безнаказанной; изменило её убийство – даже любимый стал её бояться... Но мир и товарной деревни у Замятина ещё добрый: сочувствие и забота о «болезненной», «сердешной» «девоньке» соседки Петровны ломает лёд отчуждения героини от людей, она раскрывает Петровне душу и сама идёт на каторгу... За каждым из героев стояла своя правда и, лишённый жизни «по правде», он терял человеческий облик.... Рассказ ставил проблему так, как ставила её народная баллада и её наследник – городской «жестокий романс». Это был не призыв к ужасам, не иллюстрирование их, не отражение действительности, а предупреждение – показ, чем может кончиться как бесконтрольное своеволие, так и притеснение индивида, абсолютное нежелание считаться с его чувствами. Эта тема станет одной из главных в творчестве Замятина.

Рассказ написан просто и «вкусно», так и чувствуется запах шелковичных яблок, которыми Афимья «кормит» своего «младенчика»...

«НА КУЛИЧКАХ» (1914). У нас сложилось совершенно превратное представление о быте и характере военных царских времён. Сплошное благородство и героизм, образованность и галантность... При этом мы игнорируем свидетельства литературы – от М.Ю. Лермонтова до А.И. Куприна и Е.И. Замятина. Сразу и всем бросается в глаза общность купринской повести «Поединок» и замятинской «На куличках». Между ними всего девять лет (1905 и 1914) и пропасть – эпоха уже другая.

Герои Куприна служат на западе страны, в украинском еврейском местечке, по доброй воле, потому что более ничего не умеют. Офицеры повести Замятина, кроме Андрея Ивановича Половца, приехавшего добровольно, – это «проштрафившиеся», они, вместе с солдатами, – «загнанная на кулички Русь». Опустившиеся, опускающиеся, сохраняющие душу купринские персонажи одной ногой стоят в XIX веке. Молоденький подпоручик Ромашов несёт в себе черты «чеховщины»: мечтая об «изящной» жизни, ввязывается в грязную интрижку; себя представляет не иначе как героем слащавого романа; грёзы его о славе гораздо более детские, чем у Пети Ростова или пятилетних послевоенных ленинградских детей; он мечтает не только о том, как станет начальником штаба и спасителем армии, русским резидентом, героически погибающим за государство от руки противников, но

и о том, как героически расстреляет безоружных рабочих во славу государя...21-й год – это не 16-й и не пять... Полковник Куприна ещё патриархален: накричав, посадив под домашний арест, он приглашает и вкусно кормит офицеров – «картофельный Рафаэль» генерал Азанчеев теряет всякий человеческий облик; жалование солдат подворовывают все или почти все купринские офицеры. У Замятина «централизация»: жалование солдат и фуражное зерно полностью проедает кулинар-генерал. Представительницей «полковых дам» является и Шурочка Николаева, кумир Ромашова, умная, расчётливая, лишённая морали, пытающаяся протолкнуть своего тупицу-мужа в Академию – для удовлетворения *собственных* амбиций; она спокойно переступает через Незнанского и, вторично – через влюблённого в неё мальчишку, распаяя его и фактически посылая на смерть. И именно в то время, когда повзрослевший Ромашов готов отказать и от дуэли, и от военного поприща. Среди купринских офицеров есть люди разные, и они живут – кончают с собой солдаты...

В повести Замятина нет и намёка на «изящную» жизнь... Нет людей – лишь, по меткому выражению писателя, «человеческие кусочки»... Замятинскому Андрею Ивановичу, кроме вчерашней гимназистки Маруси Шмит, чистой, умненькой, бесхитростной, надеющейся, что они с мужем, «сильным и жестоким», сохранят человечность и доброту отношений, и поговорить не с кем. Шмит держится, пока генерал не усылает его в командировку, чтобы овладеть его женой – после этого ломается, мучая себя и Марусю, пытаясь вызвать на дуэль Половца – за воронёнка. После самоубийства мужа Маруся, не дожидаясь похорон, уезжает: сохранение человека «на куличках» невозможно, недаром перед кладбищенской оградой семь крестов – могил молодых офицеров-самоубийц. Солдат офицерьё воспринимает как механизмы: «Ведь вот: был, наверно, в деревне первый гармонист, а теперь – рыбы глаза ...» – думает о денщике Непротошнове Половец. Остаётся полшага до признания их «нумерами».

У чёрта на куличках звереют не только офицеры, солдаты тоже, но они, оборванные, пьяненькие, голодные, без обмундирования диким, безвозвратно расчеловеченным офицерьём, которое должно бы быть самосознающей частью этого форпоста Российской империи на Тихом океане, представляются перед французской делегацией (союзники!) «ланцепупами» – представителями местных, ещё не открытых племён, так что французский генерал

намерен сделать о них доклад в Географическом Обществе. Начальства нет: генерал в городе, скрывается от Шмита.

Во времена Ф.М. Достоевского «современно развитый человек воспринимал мужиков как «иностранцев», предпочитая жизни с ним острог Достоевский. «Преступление и наказание». (Гл. III, V, слова Порфирия Петровича). Во времена Замятина «иностранцы» превратились в «дикарей-ланцетупов» для господ – неразвитого и опустившегося офицера...Мы не одиноки в оценке собственной культурной основы. Так, для горожан В. Гюго («93-й год») мужики (53% в 1793 г.) – это «ирокезы китайские» (то есть то, чего не бывает), для героев О. Бальзака («Крестьяне») – «краснокожие»²⁷. Однако в XX в. это не помешало Ж. Сименону сказать, что в каждой французской женщине сидит крестьянка...Для большинства наших же «образованцев» народ (то есть собственные деды и прадеды) так и остался «дикими» «ланцетупами»...

Работа Замятина – жёсткая, выразительная, без сюсюканья и умиления, принадлежит целиком веку XX. Но проблема оставалась нерешённой – недаром лейтмотив обеих повестей: «Война бы...» – хоть какой-то смысл... И герой, лишённый стержня, не нашедший себя в родном Тамбове, «вливается» в общий поток....Стоит вспомнить «Железный поток» А.С. Серафимовича: если армия без дела, она «разлагается»...О военных учениях и речи нет: у Куприна они смехотворны, у Замятина и вовсе отсутствуют. Кому, для чего нужен этот гарнизон?.. Тираж журнала «Заветы» с повестью писателя был изъят, а сам он и редакция преданы суду, который состоялся незадолго до февраля 1917 – оправдали.

Отдельно стоит сказать о языке писателя, развивающем традиции классики, пружинном и ёмком, и учитывавшем опыт других мастеров XX века, в частности, и А. Белого и других. Достоевский пишет о хозяине распивочной: «...прежде всего, выказывались его щегольские смазные сапоги с большими красными отворотами. Он был в поддёвке и в страшно засаленном чёрном атласном жилете, без галстука, а всё лицо его было как будто смазано маслом, точно железный замок». («Преступление и наказание», часть I, I).

Замятинский денщик их превосходительства генерала Азанчеева имеет «не лицо, а вычищенный самовар медный: до того круглое, до того лоснится». А вот и «картофельный Рафаэль»,

²⁷ Напомним, что в современной Франции проживает минимум шесть местных, сформировавшихся на её территории этносов.

собственноручно готовящий равиоли, картошку во фритюре и прочие изыски, терпеть не могущий, «когда обед так, шата-валя варганят»: «Как это, бишь, учили-то нас: не для того едим, чтобы жить, а для того живем, чтобы... Или как, бишь?». И это генерал?! «Передник кухарский и беременное пузо, подпёртое коротышками-ножками. Голая, пучеглазая, лягушачья голова. И весь разлтый, растопыренный, лягва огромная – может, под платьем-то и пузо даже пёстрое, бело-зелёными пятнами». И все «человеческие кусочки» должны жить по ЕГО законам...

«ОСТРОВИТЯНЕ» (1918). Впечатления от Англии были неизгладимыми: «Немцы сыпали сверху бомбы с цеппелинов и аэропланов. Я писал “Островитян”». Не переводы мировой классики для «Всемирной литературы», а повесть самого Замятина, написанная на английском материале, поразила чуждостью созданного мира: казалось, это не русская, а переводная литература. Забавно, что прочитанные чуть позже «Записки о кошачьем городе» Лао Шэ (1929, первый перевод на русский – 1969 г.) поразили противоположным: книга китайца воспринималась как своя, кровная.

Мир героев замятинской повести строго упорядочен и бесчеловечен, в нём нет места ни живому чувству, ни пытливому уму. В Джесмондеу столпа общества и автора «Завета *принудительного спасения*» (курсив мой – М.Н.) викария Дьюли жёстко расписаны часы приёма пищи, дней покаяния, занятий благотворительностью, блудом (с супругой) и даже «пользования свежим воздухом». Вторая глава «Завета» Дьюли гласила, что «...жизнь должна статьстройной машиной и с механической неизбежностью вести нас к желанной цели». В рамки механичности и стройности хорошо укладывалась однообразная застройка города и прихожане: «Дома пожилые, закопчённые, но белые полосы порогов (вычищены к воскресенью) сверкали, как вставные зубы воскресных джентльменов.

Воскресные джентльмены, как известно, изготавливались на одной из джесмондских фабрик и в воскресенье утром появлялись на улицах в тысячах экземпляров вместе с воскресным номером “Журнала прихода Сент-Инох”. Все с одинаковыми тростями и в одинаковых цилиндрах, воскресные джентльмены со вставными зубами почтенно гуляли по улицам и приветствовали двойников». Даже звонки велосипедов, «непозволительный галдёж воробьев», «слишком светлое солнце» нарушали душевный покой и систему викария – что уж говорить о происшествии и

попавшим под машину обнищавшим аристократом Кемблом! Дьюли не удалось избежать водворения на пустой кровати «инородного тела», и, благодаря появлению раненого, всё «погибло», «машина» викария остановилась. Он не узнает супруги, потерявшей пенсне и вынужденной ухаживать за раненым, а без пенсне, в критической ситуации, миссис Дьюли стала доступна эмоциям и чувствам, поскольку ещё не совсем, по словам адвоката О'Келли, «обызвестилась».

Внешние характеристики Кембла «квадратны»: «громадные квадратные башмаки, шагающие, как грузовой трактор, медленно и непреложно», которые он наотрез отказывается снимать даже в постели, квадратный подбородок. Сравнение с машиной углублялось при переходе на психологический уровень: не понимая чего-то, «Кембл недоуменно морщил лоб: грузовик-трактор ходил только по камню, тяжелые колёса увязали в зыбком “пусть”». Мать его, леди Кембл, напоминает механическую куклу: «невидимая узда» подтягивает её голову всё выше, страшное, костлявое тело похоже на каркас, выпирающий «в старом, сломанном ветром зонтике». Механистичность усиливается, когда дама, как когда-то её супруг, находит в быстром движении автомобилей «положительно что-то невоспитанное...» – чем приводит в восторг викария.

«Как известно, человек культурный должен, по возможности, не иметь лица. То есть не то чтобы совсем не иметь, а так: будто лицо, а будто и не лицо – чтобы не бросалось в глаза <...> Нечего и говорить, что лицо культурного человека должно быть совершенно такое же, как и у других (культурных), и уж, конечно, не должно меняться ни в каких случаях жизни». И леди Кембл шокирована тем, что с наступлением лета «необузданное, некультурное солнце всё так же оскалилось во весь рот»: «культурным» и «порядочным» должно быть всё в мире. Леди принадлежала некогда к другому кругу, но она, в некотором роде, – двойник Дьюли, который упоённо развивает свои идеи перед дамами («розовыми и голубыми»), мечтая о времени, когда «единоличная – всегда преступная и беспорядочная – воля будет заменена волей Великой машины государства... Читатель успел уже почувствовать, сколь недалёкое расстояние от «Островитян» (1918) до знаменитой антиутопии «Мы» (1919).

Индивидуальной волей (я бы сказала, своеволием), свободой выражения себя, обладают лишь рыжий адвокат О'Келли и Диди – чужие: О'Келли – экспансивный ирландец, Диди – актрисуля, от-

носящаяся к совсем другому кругу. Первый с серьёзной миной утверждает, что привилегия адвокатов как интеллектуалов – лгать (ведь животные не умеют этого) ... Диди не считается с этикетом и тем покоряет сердце выбитого из колеи Кембла, как сам он в беспомощном состоянии покорило сердце миссис Дьюли.

С одной стороны – конформизм и механический, убивающий всё живое в человеке «порядок», этикет (в терминологии героев – «культура»), с другой – живость, развитая «ощущалка», не считающаяся ни с чем своеволие и пустота – здесь тоже нет человечности, это мир животных, иногда милых и забавных, иногда очень жестоких (обман Кембла). Конечно, животное предпочтительней: у него хоть психика есть...

Между молотом и наковальней оказываются Кембл, у которого из-за влюблённости и необычности ситуации «сносит крышу» (выдержав бой с боксёром и сделав предложение Диди, он уже хочет вернуться на круги своя, мечтая о стандартном домике с голубой или зелёной вазой, верной женой и жизнью «по расписанию»), и миссис Дьюли. «Святой отец» и его подручные со своим «принудительным спасением» оказываются злостными провокаторами и губителями, доводя готового «спастись» простеца до катастрофы – убийства адвоката. Казнь Кембла ставит крест на надеждах хоть на что-то живое у миссис Дьюли...

«РАССКАЗ О САМОМ ГЛАВНОМ» (1923). Писатель отдавал себе отчёт в сложности и тяжести стоящих перед страной задач, понимал, что главная проблема – не противостояние красных и белых, а выбор между двумя путями преобразований. Герои рассказа – бывшие товарищи, сидевшие в одной камере, Куковеров и Дорда, ставшие по разные стороны баррикад, что очень на руку обескультуренной деклассированной шушере вроде Филимошки (мужики хотят «в шею их», «к чёртовой матери!»), получившего власть только за то, что он «беднейший» – «выпячена грудь, одну ногу вперёд: как буква “Я”». Дорда пропускает к Куковерову любящую его Талю: прошлое «не забывается», но утром он отдаст приказ расстрелять его. Куковеров – «идиот, интеллигент» – знает, что завтра товарищ расстреляет его, но не берёт доступного револьвера, он благодарен за то, что тот впускает к нему девушку, за проблеск былой человечности, хотя это, «может быть, глупо и нельзя». Дорда, которому тоже жить недолго, остаётся с голяком Филимошкой ... А «самым главным» оказывается прощальный «акт» для продолжения жизни, продолжения Куковерова... Самым главным – биологический акт... Так упро-

щение приходит не только к Дорде, повинующемуся приказам, но и к Куковерову... Конечно, биологическое начало присуще людям, Таля и Куковеров – это не Диди и О’Келли, но всё же оно не главное ... А «когда созреют эти человеческие цветы», зрелость должна привести их на новый этап развития и осознания... А как, откуда зрелость, если нет опыта? Замятин верен себе, работает пластично. Язык его очень динамичен и выразителен. Он отмечает «потную, рябую, мохнатую улыбку» солдата; «Дорда минуту стоит, ещё весь – пружина, глаза заряжены – сейчас из них посыплются пули в тех, кто лёг без команды». «Вскакивает, весь заряженный, револьверный, пули из глаз – в одного, в другого. В каждого из тысячных».

Вернувшись на родину и прожив с ней тяжёлые годы, получив богатейший опыт, талантливейший, умный и сердечный писатель и в 1923 г. ни на шаг не продвинулся в понимании мира по сравнению с годом 1918... «Мы» для него не Куковеров с хозяйственными культурными мужиками, поддерживающими его, не сердобольные бабы, жалеющие и заставившие раскаяться Афи́мью... «Мы» – это, к сожалению, конформисты и «нумера»... Боязнь пролеткультовской унификации и живая жизнь – не одно и то же...

Евгений Иванович уехал в 1931. К чести писателя, в отличие от многих других, он никогда не марал доброго имени собственного народа и страны... Он сохранял советский паспорт, за ним числилась квартира на Карповке... Вернуться писателю было не суждено: он умер в марте 1937. Задачей Людмилы Николаевны стало не возвращение домой, а сохранение архивов мужа. Смог ли он написать нечто значительное – данных нет. В 1938г. в Париже был издан его роман «Бич Божий»...